

Русская литература

№1, 1981 г., стр. 84-88

© Д.С. Лихачев

ЕЩЕ РАЗ О ТОЧНОСТИ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ (ЗАМЕТКИ И СООБРАЖЕНИЯ)

Д. С. Лихачев

Познание обязано быть объективно и точно. Только тогда оно действительно, только тогда оно познание. Но что такое объективность и точность в познании?

В различные исторические эпохи объективность познания понималась по-разному. В средние века "познать" означало "словесно определить". И это в известной мере правильно. До сих пор важно и будет важно создать термин, слово, символ, знак. Тогда изучаемое явление становится замечаемым, "познанным". В эпоху Ренессанса познать явление стало означать увидеть его: через телескоп или лупу, микроскоп. Главное для ученого - "рысий глаз", т. е. иметь хорошее зрение. Отсюда в Италии в XVII веке создается "Academia dei Lincei". Отсюда описательность в науке, типичная для Ренессанса. Отсюда и путешествия ученых, - чтобы увидеть как можно больше нового в природе, открыть новые континенты, острова, создать географические карты, описания, классификации растений, животных, минералов и т.д. и т.п. В XIX и XX веках происходит значительная математизация науки. Познать - это рассчитать, высчитать, определить математически.

В эпоху Ренессанса филология считалась точной наукой. Во всяком случае никто не сомневался в ее точности. Но в XIX веке филология постепенно выделила из себя литературоведение. Литературоведение - молодая наука. Выделившись из филологии, оно утратило репутацию точной науки, науки во всех отношениях объективной.

Филология, в точности и объективности которой не сомневались в эпоху Ренессанса, в XIX и XX столетиях оказалась в кризисном положении; особенно литературоведение - его перестали считать точной наукой, а некоторые даже вообще наукой, ибо применение математики оказалось здесь крайне ограничено.

Но всегда ли наука точна? Всегда ли она может быть изложена математически? В очень многих случаях не только при изучении духовного мира, но и изучении материального мира абсолютная точность невозможна. Можно ли, например, точно установить точное количество воды в океане, озере, даже бассейне? Претензии на точность были бы в этом случае невозможны (для океана даже в сотнях кубических километров). Точность очень часто оборачивается неточностью. Точность невозможна там, где материал не может быть точен по самой своей природе.

Обращаясь к литературоведению, отметим, прежде всего, что всякое искусство (в том числе и литература) неточно по своему характеру. Искусство перестает быть искусством, как только

становится точным, претендует на точность.

Линия, проведенная от руки, красивее проведенной по линейке или вычерченной циркулем. Произведение искусства всегда должно оставлять человеку возможность дополнять его от себя. Оно провоцирует сотворчество.

Фланкирующие вход башни подлинного готического собора всегда чуть различны. В этом их отличие от подделок под готику XIX века. Ср. Нотр Дам, где, несмотря на реставрацию Виоле ле Дюка, парные башни расходятся в ширине приблизительно до метра.

Поэтому и литературоведение должно в каких-то своих частях считаться с неточностью искусства и само быть в известной степени неточным.

Понимание идеи произведения, его содержания, характера персонажей чаще всего неточно, допускает субъективизм, заранее как бы заложенный в самом замысле. Сколько существует, например, различных толкований "Гамлета" (пишутся даже продолжения - "Розенкранц и Гильденстерн"). Шекспир совсем не ожидал, вероятно, как разнообразно и глубоко будут пониматься его произведения.

Мы можем даже сделать обобщение и сказать, что в своих ответах на центральные вопросы литературы - в толкованиях смысла, содержания, идей произведения - литературоведение очень часто неточно. Совершенно точное, однозначное и четкое раскрытие замысла автора всегда по сути своей подозрительно: либо это не искусство, либо ученый претендует на слишком многое. Замысел не может быть выражен адекватно в другой форме. Понимание идеи произведения колеблется - в какой-то степени различно в различные периоды истории.

Однако все же в какой-то своей части литературоведение обязано быть точным. И эта точность в литературоведении существует. В каких же своих частях литературоведение точно?

Литературоведение - комплекс различных дисциплин, специальных и общих. В этом отношении литературоведение похоже на такие науки, как география, этнография, океанография.

Итак, по существу, литературоведение - это целый куст различных наук. Это не одна наука, а различные науки, объединяемые единым материалом, единым объектом изучения - литературой.

В литературе могут изучаться разные ее стороны, и в целом к литературе возможны различные подходы. Можно изучать биографии писателей. Это важный раздел литературоведения, ибо в биографии писателя скрываются важные объяснения его произведений. Можно заниматься историей текста произведений. Это огромная область, включающая различные подходы. Эти различные подходы зависят от того, какое произведение изучается: произведение ли личностного творчества или "безличностного", а в последнем случае - имеется ли в виду письменное произведение (например, средневековое, текст которого существовал и изменялся многие столетия) или устное (тексты былин, лирических песен и пр.). Можно заниматься литературным источниковедением и литературной археологией, историографией изучения литературы, литературоведческой библиографией (в основе библиографии также лежит особая наука). Особая область науки - сравнительное литературоведение. Другая особая область - стиховедение. Я не исчерпал и меньшей части возможных научных изучений литературы.

И вот на что следует обратить серьезное внимание. Чем специальнее дисциплина, изучающая ту или иную область литературы, тем она точнее и требует более серьезной методической подготовки специалиста. Вместе с тем все специальные литературоведческие дисциплины связаны между собой и эта связь усиливает точность выводов каждой из них. Например, текстология - изучение истории текста произведения - связана с изучением биографических данных, с палеографией, с историей эстетических представлений, с изучением исторических фактов и т.д.

Получается так, что степень точности в литературоведческих дисциплинах возрастает по мере отдаления их от центральных тем, оценок и осмысления, по мере углубления в историю, или этнографию, или текстологию и т.д.

Литературная наука, занимающаяся осмыслением литературных произведений, творчества, целых эпох в истории литературы, как бы окружена своеобразной жесткой скорлупой - зоной точности. Эта "зона точности" оформляет и удерживает центральную, менее точную, сферу общих суждений.

Не пессимистичен ли для литературоведения такой вывод? Создается впечатление, что мы точны в мелочах и лишены возможности добиться точности в главном?

Нет! Точность активна. Она постоянно стремится проникнуть во все области изучаемого, и неточность постепенно уступает ей место. Как это происходит в литературоведении?

Нельзя представлять себе, что специальные литературоведческие дисциплины, составляющие как бы скорлупу науки, ее твердую оболочку, "зону жесткости", только отделяют литературоведение от других дисциплин. Напротив, именно эти специальные дисциплины служат соединению литературоведения с другими науками. Например, текстология не может обойтись без языковедения, без истории (особенно текстология средневековых литератур), без искусствоведения (при изучении текста иллюстрированных произведений - с миниатюрами, с орнаментом). Стиховедение также не может обойтись без языкознания.

Мы можем сказать, что специальные литературоведческие дисциплины восстанавливают первоначальную цельность филологических изучения. То, от чего литературоведение отделилось после эпохи Ренессанса (филология), к тому оно возвращается через специальные дисциплины. Изучая и применяя специальные дисциплины в своей работе, литературовед с гордостью может сказать: "я филолог".

Подобно тому как общую степень точности литературоведения как науки повышают специальные дисциплины, которые служат "ребрами жесткости" при решении общих вопросов, так в доказательстве частных решений огромную роль играют наблюдения над "мелочами" и "частностями". Именно эти "частности" оказываются обычно наиболее достоверными свидетельствами.

Приведу такой пример. В изучении творчества Ильфа и Петрова исследователей особенно занимал вопрос: откуда сложился образ Остапа Бендера? Кто были его литературными предшественниками? Высказывалось много предположений. Однако истинного "предшественника" Остапа Бендера легко узнать по "мелочам"; это Аметистов в пьесе Михаила Булгакова "Зойкина квартира".

Дело не только в том, что оба героя - дельцы, нахалы, прожектеры, но в том еще, что оба стремятся устроить свое благополучие с помощью женщин, оба в прошлом провинциальные актеры и не брезгают шулерством, у обоих нет багажа, оба имеют что-то зеленое в своем костюме, оба испытывают недостаток в белье, у обоих своеобразная манера говорить - отрывочная и афористичная, у обоих поразительная самоуверенность и т.д., и т.п.

Остап Бендер, как образ, явно зависит от Аметистова, но последний, в свою очередь, зависит от образа Джингля в "Пиквикском клубе" Диккенса. И опять-таки "выдают" и доказывают эту зависимость "мелочи".

Аметистов и Джингль в прошлом мелкие актеры, занимались шулерством. Оба легко двигаются и танцуют. У обоих отрывочная речь. У обоих якобы пропал багаж в дороге. У Аметистова - на железной дороге, в поезде, у Джингля - на корабле ("тюки", "ящики"). У обоих зеленая одежда с чужого плеча. У обоих нет носков на ногах. Оба стремятся воспользоваться расположением женщин для своего материального благополучия.

Таким образом, бесспорному решению вопроса о "литературной генеалогии" образа Остапа Бендера способствуют не главные, "генеральные" черты их характера, а "мелочи", которые не могут явиться результатом случайного совпадения, а свидетельствуют о прямом заимствовании.

В самом деле, то же может быть замечено и в древнеславянских литературах. Огромную роль в

них играют этикетные формулы, трафаретные выражения, этикетные положения, даже ситуации. Одни и те же пассажи переходят из одного произведения в другое, и мы можем встретить целые сходные куски в самых различных произведениях. Как узнать, что перед нами не случайное совпадение, объясняемое сходством "литературного мышления", а именно заимствование, непосредственное влияние? Опять-таки - по "мелочам", которые не могут быть случайны: например, одинаковый порядок слов, одинаковые выражения там, где они могли бы варьироваться, одинаковый порядок этикетных формул, наконец, просто одинаковые в обоих текстах ошибки, опiski, пропуски необходимого или вставки чего-то не необходимого.

В этом отношении литературоведение не отличается от многих других наук и этим с несомненностью доказывається, что литературоведение - наука.

Специальные дисциплины, детали, случайные мелочи играют значительную роль в доказательствах не только в литературоведении, но и искусствоведении. Никакое искусствоведческое красноречие не в состоянии доказать авторства, заимствования, влияния: только детали, только специальные исследования и совпадения в чем-то редком, казалось бы "случайном". . .

А как быть все-таки с неизбежностью субъективности в интерпретации произведения?

Как быть с тем непреложным фактом, что любое толкование произведения искусства, если это только настоящее произведение искусства, не может претендовать быть окончательным?

Осознанная субъективность становится в какой-то мере объективным фактом.

Нам нужна историческая точка зрения не только на прошлое, но и на самих себя, на наши взгляды, на исходные данные нашей интерпретации. Ученый искусствовед, литературовед должен в известной мере включать и самого себя в сферу своего изучения: знать тот исторический момент, в котором он изучает искусство. Он должен осознавать, почему произведение искусства открылось для него именно с этой, а не с иной стороны. Как ученый понимает самого себя, возможности науки своего времени - это особый большой вопрос. На нем я сейчас не останавливаюсь. Хотелось бы, чтобы мы все над этим подумали.

Но в изучении собственного субъективизма - конечный путь к объективности.

Наиболее точные литературоведческие дисциплины - они же и наиболее специальные.

Если расположить весь куст литературоведческих дисциплин; в виде некоей "розы", в центре которой будут дисциплины, занимающиеся наиболее общими вопросами интерпретации литературы, то окажется, что чем дальше от центра, тем дисциплины будут точнее. Литературоведческая "роза" дисциплин имеет некую жесткую периферию и менее жесткую сердцевину. Она построена, как всякое органическое тело, из сочетания жестких ребер и жесткой периферии с более гибкими и менее твердыми центральными частями.

Литературоведение представляет собой сочетание жестких и нежестких дисциплин. Если убрать все "нежесткие" дисциплины, то "жесткие" потеряют смысл своего существования; если же, напротив, убрать "жесткие", точные специальные дисциплины (такие как изучение истории текста произведений, изучение жизни писателей, стиховедение и пр.), то "центральное" рассмотрение литературы не только потеряет точность - оно вообще исчезнет в хаосе произвола различных не подкрепленных специальным рассмотрением вопроса предположений и догадок.

Развитие литературоведческих дисциплин должно быть гармоничным, а поскольку специальные литературоведческие дисциплины требуют от специалиста большой подготовки, на них должно быть обращено особое внимание при организации учебных процессов и ученых исследований.

Подводя итоги, можно было бы сказать так: литературоведение решает крупные и широкие проблемы, но доказательную силу эти решения и ответы приобретают от узких, специальных дисциплин, от скрупулезных мелких наблюдений, из "пограничных" наук и специальных дисциплин.